

Библиотека Гутенберга

Title: The Powder Monkey

Author: George Manville Fenn

Illustrator: Ambrose Dudley

ГЛАВА I

- Хай-ло!

Маленький мальчик резко поднял голову.

- Хилли-хай-хо! Как поживаешь?

Малыш вскочил с того места, где только что сидел на пологом берегу, и ухватился за прутья ближайших ворот. Он ничего не сказал, но уставился сквозь сумрак осеннего вечера на незнакомца, который сейчас кричал:

- Как дела, говорю! Как дела?

Малыш попытался заговорить, но сначала только вздохнул, а потом пробормотал:

- Пожалуйста, сэр, я не понимаю, что вы имеете в виду.

- Ах, ты не понимаешь? - яростно прорычал мужчина, хлопнув ладонью левой руки спереди по ремню, а тыльной стороной правой ладони по себе сзади; затем, откинув назад правую ногу, он как бы подпрыгнул на левой, словно отряхивая одежду, когда поднимал её.

- Не понимаешь? - снова спросил он, глядя на малыша. - Что же ты такое? Иноземец?

- Нет, сэр, - сказал маленький мальчик, съёжившись. потому что мужчина сделал шаг вперед и положил ему на плечо большую загорелую, просмоленную руку.

- Тогда почему ты не можешь понять свой язык?

- Я понимаю, сэр, - сказал мальчик со звуком, похожим на всхлип.

- Тогда почему ты сказал, что не понимаешь, и заставил меня подумать, что ты француз?

- Я не знал, что вы имеете в виду, сэр, под «хилли» и как-то там ещё.

- Почему, юный ты дикарь?! - воскликнул мужчина. - Ты никогда не ходил в школу?

- Да, сэр, и у меня был тьютор.

- Тьютор, да? Что это может быть? Но, глянь-ка сюда, парень; я не сэр, а моряк.

- Что, сэр? - спросил мальчик, вытаращив глаза.

- Моряк, матрос. Передней мачты, корабль сейчас стоит у порта Торки. Что ты там делаешь?

- Плачу, сэр, - последовало в ответ жалобное всхлипывание.

- Плачешь, ты, юный швамбран? - взревел мужчина, как будто говорил сквозь бурю. - Вот, вытрись. Отец сдирал с тебя кожу?

- Нет, сэр.

- Нет, Джек Джинс! - вскричал мужчина. - Сэр, в самом-то деле! Джек Джинс — так меня зовут. Англия — моё место жительства, по крайней мере, когда я не во Франции или Испании, или не в Терраниуме [Средиземное море], не снимаю кожу с французов. Итак, кто тебе надавал? Мама, может быть, и выставила тебя за дверь?

- Нет, сэр, - в сгущающейся темноте всхлипнул с жалобным видом мальчик.

- Ага! - прозвучало так свирепо, что мальчик рванул прочь; но хватка на его плече усилилась, и он оказался прижат к прутьям ворот. - А ну, глянь-ка сюда, бестолочь. Ты настолько мал, что я не стану тебя бить из страха, что ты сломаешься; но не оскорбляй меня, говоря так, словно я сухопутный домосед.

- Нет, сэр; пожалуйста, сэр... - пробормотал мальчик.

- Послушайте-ка его! - прорычал мужик, обращаясь к одному из каменных столбов ворот. а затем, повернувшись к другому: - Он что, хиджит?

- Нет, это не я! - возмутился мальчик. - Я хотел сказать, что у меня нет ни отца, ни матери.

- Тогда почему ты не сказал об этом сразу? - прорычал мужчина. - Но у тебя нет ни отца, ни матери?

- Нет, с... нет, нет! - воскликнул мальчик.

- Ты сирота, приятель?

- Да, Джек Джинс, разве ты не это говоришь?

- Верно, мальчик; и это ясно показывает мне, что ты не хиджит. Пожмём друг другу руки, приятель. Я такой же, как ты. Я тоже сирота, только я не развожу воду, как ты.

Мальчик протянул руку, которая в следующее мгновение показалась тускло-белой, в огромной мохнатой лапе, схватившей её.

- Оставь рыдания женщинам, мой мальчик. Так в чем же дело?

Слезы снова выступили на глазах у мальчика, и он издал что-то вроде вздоха, пытаясь совладать с желанием громко разрыдаться, и произнёс срывающимся голосом:

- Я устал, замерз и хочу есть.

- Э? Тогда почему бы тебе не пойти домой?

- У меня теперь нет дома, - грустно сообщил малыш.

- Странно то как, - сказал матрос, теперь уже вполне сочувственным тоном. - Ты сирота, как и я, и теперь у тебя нет дома. Что, некуда идти и спать сегодня ночью?

- Нет... - сказал мальчик, и слово «сэр» чуть не вырвалось снова.

- Да ведь ты настоящий корабль, терпящий бедствие, бестолочь, и, похоже, тебе повезло, что ты тонешь рядом со мной. Ты голоден и без воды, да?

- Очень хочется есть, пожалуйста, - сказал мальчик; - Но я нашел воду, там, у обочины, пока не стемнело, и немного выпил.

- Ах, так вот почему она вышла из твоих глаз, как волна из шпигатов. Что ж, у меня есть ещё пара глотков в рундуке, так что пошли со мной, и я найду тебе что-нибудь из еды. Вот, цепляйся за мой плавник.

Тон этого мужика был таким дружелюбен, и он так любезно протянул руку, что малыш жадно ухватился за неё и, так как темнота быстро сгущалась, побежал рядом со своим новым другом, но только для того, чтобы спустя несколько минут ковыляния следом, запыхавшись, споткнуться, и чуть не упасть, если бы не сильная рука, подхватившая его.

- Эй, хилло?! - воскликнул мужчина. - Что это там такое?

- Я... я не знаю, - слабым голосом ответил мальчик. - Я так устал... и у меня болят ноги... и... и... и я не могу идти дальше, пожалуйста. Не сердитесь на меня, сэр; я ничего не могу с собой поделаться — я просто обязан заплакать.

Пока он это говорил, его ноги подогнулись так, что он, естественно, опустился на колени, и, подняв одну свою руку, которую не держали, чтобы схватиться за другую, мальчик, казалось, во мраке молил о пощаде большого, грубого человека.

- Эй, приятель, я не знал, что ты вот так стоишь на ногах, - тихо прорычал он. — Давай-ка помогу тебе. Позволь мне поднять тебя на этот берег. Вот как поступим. Постой-ка, пока я оборачиваюсь. Давай другой плавник. Вот так. Теперь поднимайся! И ты у меня на спине. Ну, а теперь я отбуксирую тебя в порт, куда и направляюсь, и мы с тобой слегка поужинаем, а потом -- ну, взгляни-ка сейчас!

Говоря это, матрос взвалил мальчика к себе на плечи, как свинью, и принялся уверенно шагать по дороге, не чувствуя легкого веса, и все время любезно разговаривая с малышом, пока, наконец, к своему удивлению, не произнес последние слова тихим голосом и вслед за ними воскликнул:

- Устал, бедняжка. Чёрт подери, если он не крепко спит!

Матрос встал посреди дороги, думая и разговаривая вслух сам с собой, как будто он был с кем-то ещё.

- Хорошенькое дело, Джек Джинс, - тихо прорычал он, чтобы не разбудить свою ношу. - Вот ты, парень, только что закончил свой отпуск, провел половину со своими друзьями, а другую половину отдал своей старой матери, чтобы она помогла тебе, когда ты снова вернешься с моря - благослови её старое сердце! Только бы мне хотелось, чтобы она, когда целует и говорит: «Прощай, и да благословит тебя бог, мой дорогой мальчик!» не плакала бы надо мной. Но, как я уже говорил, Джек, вот ты топаешь вполне довольным, чтобы вернуться на свою шхуну «Сейри Энн», приятель, и тебе ничего не остаётся, как вернуться на свой корабль, когда на тебя валится этот мальчишка, усталый и голодный, и ревуший так же сильно, как твоя старая мать, приятель. Ты не хотел мальчика, Джек, а теперь он у тебя есть, и ты не знаешь, что с ним делать, и кто он, и куда идет, и откуда пришел. Мне кажется, он и сам этого не знает. Возьму-ка его на борт «Сейри Энн», приятель, и покажу шкиперу. «Ну, — скажу я, — вот мальчик». «Я вижу», — скажет шкипер. «Ну, что же с ним делать?» — спрошу я, а он прокрутит это в уме, и прежде чем ты поймёшь, где находишься, он все уладил и скажет, что делать и куда его деть.

- Вот как это делается, - произнёс Джек Джинс с тихим, мягким смешком. - Бедный малыш! У шкипера есть жена и свои детишки, и он в таких вещах разбирается. Не стоит гадать, найдет ли он для него новых отца и мать.

Товарищи Джека ничего не сказали, потому что на самом деле их не было рядом, хотя грубый матрос начал выполнять свой план, шагая вперед с мальчиком, крепко спящим на его спине, слишком утомленным, чтобы обращать внимание, куда он движется, или думать о неприятностях, выпавших на долю столь юного создания. Ибо его сон становился все глубже и глубже, пока огни Торки не показались вокруг порта у подножия холма; и он не шевельнулся, когда Джек остановился у дверей обветшалой маленькой гостиницы на Стрэнде — места, часто посещаемого моряками, — и не услышал голоса Джека Джина, когда тот воскликнул: «Как дела?», обратившись к хозяйке с просьбой найти комнату и постель на ночь с немедленно приготовленным ужином.

Простой ужин вскоре был подан на стол в невзрачной комнате; но мальчик не смог есть.

- Измучился? - кисло спросила хозяйка.

- Ага; вот именно, - сказал Джек. - Вот, миссис, я снесу и уложу его в постель.

И этот грубиян так и поступил, неся своего молодого товарища так осторожно, словно боялся, что тот сломается, а потом, не пытаясь его раздеть, уложил его и укрыл, после чего вернулся ужинать. Затем, сам довольно утомленный и думающий о своей работе, которая должна начаться ранним утром, он выглянул туда, где стояла его шхуна, пришвартованная к бую, с качающимся высоко в снастях огнем, и поднялся в свою комнату.

Мальчик спал так, словно давно не спал, и, когда Джек Джинс поднес оплывшую сальную свечу к лицу мальчугана, он сказал, улыбаясь:

- Бедолага. Да ведь если я упаду в постель, то разбужу его, а я этого делать не буду. Вот, и так сойдет.

Джек вынул свечу из подсвечника и очень неаккуратно потушил ее, перевернув вверх ногами, пока не погасло пламя, а затем бросился на пол у кровати.

- Такой же мягкий, может быть, даже мягче, чем палуба шхуны, - пробормотал он. - Спокойной ночи, малыш. Утром шкипер все устроит, и — хей-хо-ха-хм! Честное слово, мне ужасно хочется спать и...

Джек Джинс больше ничего не сказал, а в следующее мгновение издал храп, который должен был разбудить мальчика, но не разбудил; и моряк крепко спал, пока на лестнице не послышалось что-то громче его собственного храпа.

Сначала внизу послышался шепот голосов; затем грубый смех; затем шарканье и топот ног, которые прекратились на лестничной площадке за дверью, которую грубо попытались открыть, а выяснив, что она заперта, в неё заколотили ногами, в то время как яростный голос громко заорал так, что Джек Джинс вскочил, решив, что он на борту шхуны и в своей койке.

- Эй, там! Поднимайтесь! Поднимайтесь! Именем короля!

ГЛАВА II

Джек Джинс и его юный спутник вскочили, замерев там, где находились, оба сбитые с толку и недоумевающие.

- Хилло! - воскликнул Джек.

- Что это такое? - спросил мальчик, который никак не мог понять, где находится, и в этот момент окно слегка приподнялось, и мужской голос тихо произнёс:

- Здесь лестница. Быстрее, беги сюда! Это вербовщики!

- А, что? Где? - взволнованно прорычал моряк. - Принести фонарь? Где свет?

Он узнал об этом в следующий момент, потому что дверь с грохотом распахнулась, и группа людей во главе с офицером в форме ворвалась в комнату, наполнив ее светом, ибо трое из них несли корабельные фонари, и Джек обнаружил, что предупреждение запоздало, потому что трое мужчин схватили его прежде, чем он успел даже подумать о сопротивлении, и крепко прижали его спиной к стене.

- Только один, ребята? - воскликнул офицер.

- Ещё не уверен, сэр, - ответил один из мужчин, наклонившийся, чтобы осветить фонарём под кроватью, в то время как другой из этой группы исследовал шкаф, а его товарищ заглянул в дымоход.

- Нет, сэр; только один, сэр, - сказал человек, похожий на уоррент-офицера. - Вот только мальчуган на кровати.

- Я думал, будет больше, - произнёс их предводитель. - Так вот, парень - продолжил он, обращаясь к матросу, - бесполезно брыкаться. Сколько приятелей было с тобой?

- Ни одного, - угрюмо прорычал Джек. - Чего вы хотите от меня?

- О, скоро увидишь. Пойдемте. Не потеряйте его, парни.

- Не бойтесь, сэр, - раздалось хором, а мальчик, увидев, что его новый друг попал в беду, соскользнул с кровати, подбежал к Джеку и крепко схватил его за руку.

- Вы не можете забрать меня, - воскликнул Джек, все больше злясь и, словно повинясь инстинкту, который заставил его считать своим долгом защищать мальчика, он притянул малыша к себе.

- Почему не можем, парень? - смеясь, спросил офицер. - Почему, мы ведь забрали тебя.

- Но я со шхуны в бухте, - воскликнул Джек.

- Теперь ты принадлежишь королю, парень.

Джек Джинс дико взглянул на говорящего, а затем на открытое окно, где на мгновение в свете фонарей смутно показалось чье-то лицо; и в следующий момент он отшвырнул бы людей, державших его слева и справа, и, бросившись к проёму, выскочил бы наружу... Но каким-то образом в этот момент крепкая хватка его юного компаньона заставила моряка почувствовать, что он не может оставить маленького человечка, который так сильно взывал к его лучшим чувствам, и он остался стоять.

В следующий момент шанс для побега был упущен, так как один из вербовщиков подбежал к окну и с грохотом захлопнул его, надёжно заперев.

- Ну, ведите его, ребята, - приказал предводитель, и тут человек, похожий на уоррент-офицера, что-то прошептал.

- Э? Что? Нет, он слишком мал.

- Пороховая обезьяна, сэр; и он вырастет.

- Будь уверен, конечно! - воскликнул офицер. - И это два вместо одного. Захватите его.

- Эй, что вы собираетесь делать? - взволнованно воскликнул Джек. - Вы не должны прикасаться к этому мальчику; он...

- Так и будет! - взревел офицер, и по его знаку двое из этой шайки бросились к малышу, чтобы разделить их; но при первом же их прикосновении мальчик издал дикий крик и ещё крепче

прижался к своему защитнику, который сделал отчаянное усилие, чтобы защитить его, крича при этом хозяйке, чтобы та пришла и забрала малыша.

Но все было напрасно: Джек и его юный спутник оказались разлучены, их поспешно спустили вниз по лестнице и вывели на Стрэнд, а спустя несколько минут мальчик был отпущен на свободу, и рванул к Джеку, тяжело дыша от волнения и крепко прижавшись к нему; но это было из-за того, волн, бившихся о нос лодки, которая быстро выгробала из гавани к заливу. Вскоре после этого, когда крюк рулевого зацепился за кольцо, и шлюпка заскользила по огромному борту большого линкора, два пленника были поспешно подняты на палубу, и Джек Джинс, несмотря на все его протесты, был принят в экипаж Корабля Его Величества «Виктория» [HMS Victory - 104-пушечный линейный корабль первого ранга Королевского флота Великобритании. Заложен 23 июля 1759 года, спущен на воду 7 мая 1765 года. Принимал участие во многих морских боях, в том числе и в Трафальгарском сражении, во время которого на его борту был смертельно ранен адмирал Нельсон], также, как и его маленький компаньон - самый младший мальчик на борту, и ба без малейшего шанса снова ступить на берег.

На рассвете паруса были подняты, и большой военный корабль со всеми своими ярусами орудий вскоре после этого направился по Ла-Маншу в поисках врагов Англии, сопровождаемый британским флотом, в то время как известие о том, что флот находится под командованием адмирала Нельсона, показали Джеку Джинсу и маленькому спутнику, с которым он так странно оказался связан, всего лишь пустым звуком.

ГЛАВА III

Джек Джинс сидел на дне перевернутого ведра, упершись локтями в колени, и смотрел вниз на своего юного товарища по вчерашнему приключению, который полусидел-полулежал на нижней палубе большого корабля, рядом с открытым иллюминатором, через который утренний свет падал на его лицо; мальчик грыз печенье, откусывая его своими острыми, жемчужно-белыми, как у мыши, зубами.

Рядом с мальчиком было достаточно светло, но внутри под палубой стоял сумрак, и то тут, то там тускло горели фонари, несмотря на утро.

С верхней палубы доносилось много шума, суматоха, и топот ног; крики, раздававшиеся в это время, звучали как приказы; но главным звуком у иллюминатора, через который падал свет, был хруст печенья.

Наконец Джек Джинс заговорил.

- Я в тупике, - сказал он. – Кажется, всё замечательно. Вот ты впервые на борту корабля и вместо того, чтобы чувствовать себя плохо и страдать, хрустишь, как настоящий грызун, печеньем.

- Мне так хотелось кушать, - сказал малыш, широко улыбнувшись.

- Тогда грызи, - предложил Джек. - Но всё-таки спрошу: тебе не страшно?

- Не сейчас, - ответил мальчик. - Было, когда те матросы пришли и разбудили меня.

- Конечно, ты должен был испугаться, - сказал Джек. - Потому что и мне было страшно. Но тебе сейчас не страшно?

Мальчик покачал головой и еще раз откусил твердое печенье.

- Почему тебе не страшно? - спросил Джек после долгих разглядываний печенегрыза, как он назвал своего спутника.

- Потому что ты здесь, - сказал мальчик.

- Да, я здесь, конечно, - произнёс Джек, пристально глядя на мальчика, слегка озадаченный. - Я сижу рядом с тобой; но это не имеет значения, потому что я завербованный человек.

- Ты позаботишься обо мне и проследишь, чтобы никто не причинил мне зла, - с уверенностью сказал мальчик.

- О, конечно, - продолжил Джек, почесывая в затылке. - То есть, пока я здесь, но что будет с тобой, когда меня не станет?

- Уйдёшь? - резко спросил мальчик, перестав жевать. - Ты же не уйдёшь и не бросишь меня?

- Ну, нет, - мрачно произнёс Джек. - Это ты уйдёшь и бросишь меня.

- Я так не поступлю, - быстро воскликнул мальчик. - Я никогда не уйду от тебя. Ты мне нравишься.

- Верно, - сказал Джек Джинс, удовлетворенно ухмыляясь. - И, конечно же, ты мне тоже нравишься, юноша. Но скоро тебя высадят на берег, чтобы ты мог вернуться к своим родным.

Мальчик покачал головой.

- Что ты хочешь этим сказать? - резко воскликнул моряк. - Послушай, ты так и не сказал мне, как тебя зовут и откуда ты.

Малыш нахмурился, выглядя огорченным.

- У тебя есть имя, правда? - спросил моряк.

- Да, конечно, - воскликнул мальчик. - Фил.

- Фил, да? - переспросил моряк. - Фил кто?

- Ли, - последовал ответ.

- Фил Ли, а? Силач А-ли. Ну, а где ты живешь?

- В Грейтоне, - медленно и печально сказал мальчик. - Нет, я жил там, пока... пока... пока...

- Да, я знаю, - быстро произнёс Джек, поняв значение выражения лица мальчика. - Но почему ты не живешь там сейчас?

- Потому что пришел дядя, - сказал мальчик, вздрогнув, -- и тогда я... я... Ты же не отправишь меня обратно, правда?

- Пока не знаю, - строго сообщил Джек. - Мальчикам незачем убегать из дома. Почему ты сбежал?

- Потому что он меня бил.

- Побил тебя — такого маленького, как ты? - воскликнул Джек с выражением отвращения. - И чем?

- Тростью.

- Толстой? - спросил Джек, и мальчик кивнул. - И его никто не остановил?

- Да, - быстро ответил малыш. - Тетя.

- Какая тетя? - резко спросил Джек.

- Ну, моя тетя. Она сказала, что это позор.

- Ха, она мне нравится! - сказал Джек и потер руки. - Но за что он тебя бил?

- Он сказал, что я всегда плачу, - жалобно произнёс мальчик. - Но я ничего не мог с собой поделаться.

- Конечно, не мог, - мягко сказал Джек. - Ты плакал из-за того, что их забрали, да?

Мальчик резко кивнул — он не мог говорить.

- Ха! - вздохнул Джек Джинс, тихо потирая руки. - Хотел бы я быть там. Но я спрошу, глянь-ка сюда. И ты убежал, потому что он тебя высек?

Мальчик кивнул.

- И шагал, пока не встретил меня?

- Да, - прозвучало как вздох.

- Ну, видишь ли, тебе придется вернуться.

Малыш выронил кусок печенья, который держал в руке, и тот упал на палубу, когда он вскочил на ноги, выглянул в открытый иллюминатор и, сделав два-три быстрых шага к нему, метнулся в темноту межпалубного пространства; матрос мельком увидел мальчика, когда тот мелькнул в свете, пролитом фонарями.

- Трусишка, вот кто он, - пробормотал Джек. - Да ведь я думаю, что он так напуган, что скорее прыгнет в воду и поплывёт, чем отправиться обратно. Ну, мне надо его отыскать; и это не так-то легко на таком большом корабле, как этот. Бедняга, он был готов выпрыгнуть вон из кожи!

Джек осторожно сделал несколько шагов в том направлении, в котором последовал мальчуган, но не успел он сдвинуться с места, как раздался пронзительный свист, и ему, и ещё примерно десятку измученных мужчин было приказано подняться на палубу для допроса первым лейтенантом и некоторыми другими офицерами, после чего им сообщили, что отныне они люди Его Величества, и приказали получить свое снаряжение, после чего их распределили среди экипажа в зависимости от того, были ли они сухопутными или моряками, и последним мало чему можно было научиться.

Джек заворчал, когда узнал место своего назначения, находящееся по приказу капитана у одной из больших пушек на главной палубе, и смысл этого ворчания заключался в том, что он решил извлечь из этого максимум пользы. Но его ворчание прозвучало глухо, потому что он думал о маленьком Филе Ли, и он обратился к одному из офицеров и изложил свое дело.

- Э? Мальчик, которого вы взяли с собой на борт, когда вас взяли?

- Да, сэр, - сказал Джек. - Сбежал из дома, это так. Его высек дядя. Он юный джентльмен, и я хочу, чтобы вы посадили его в лодку и высадили на берег.

- О, о чём ты, парень?! - хрипло спросил офицер. - Сбежал из дома, так?

- Да, сэр, потому что...

- Хватит, парень; больше никаких разговоров. Если он сбежал из дома, значит, он попал в самое лучшее место, где можно

научиться быть хорошим мальчиком.

- Но...

- Хватит, сэр. Мне некогда тебя слушать. Мы хотим мальчиков.

- Но он настолько мал, сэр, - взмолился Джек.

- Тогда мы хорошо будем кормить его и сделаем так, чтобы он вырос большим. Где он?

- Не знаю, сэр. Сегодня утром он снова сбежал.

- Что, опять?

- Да, сэр.

- Ну, далеко он не убежит, и мы скоро найдем его. Высадить его на берег, а? Следующий берег, который мы увидим, будет где-нибудь на побережье Португалии или Испании.

Последние слова офицер произнес сам себе и зашагал прочь, оставив Джека Джинса стоять, почесывая в затылке и бормоча что-то себе под нос.

- Бедный малец! - сказа он. - Они сделают из него пороховую обезьяну? Ну, тоже неплохо. Лучше, чем быть мальчишкой в доме с дядей, который бьёт его палкой за то, что он оплакивает умерших отца и мать.

- Эй, Фил, приятель, где ты? - тихо произнёс он, и его голос звучал так, словно в его грубом, честном сердце отыскался какой-то нежный уголок. - Где ты, малыш? Я хочу сказать тебе, что ты будешь пороховой обезьянкой на борту адмиральского корабля Нельсона.

ГЛАВА IV

Джек Джинс, наконец, обнаружил, что спустился вниз, раскрутил гамак, и, как остальные, повернувшись, лег, недолго вслушиваясь в плеск волн о скользящие по ним борта огромного военного корабля, чьи бревна скрипели и стонали, ибо, когда флотилия начала двигаться по Ла-Маншу, поднялся сильный бриз. Бурная ночь в море не беспокоила Джека, но он лежал, думая о маленьком Филе и задаваясь вопросом, принесёт ли это пользу, если он вылезет из гамака и попытается найти его в темноте; но он не ощущал ничего, кроме отчаяния, поскольку знал о военном корабле достаточно, помимо того, что увидел за время своего пребывания на его борту,

чтобы быть уверенным: если он начнет свои поиски, то его вскоре остановят часовые или те, кто стоит на вахте.

«Человек не может поступать, как ему заблагорассудится, на борту королевского корабля, - уныло сказал он себе, лежа в крошечной тьме, - но только позволь мне пережить эту ночь, и пусть говорят, что им заблагорассудится, но я пойду напрямиком к капитану или к самому лорду Нельсону, и попрошу найти этого малыша. Э, что это?»

Последние три слова он произнес вполголоса, потому что внезапно ощутил, как нечто холодное коснулось его лица.

- Это ты, Джек? -
послышался тихий шепот.

- Да. А это ты, маленький
засранец? Ура! Дай свой
плавник.

- Пообещай мне, что не
отправишь меня домой,
Джек, и я это сделаю.

- Отправить тебя домой,
засранец?! - прорычал
грубый матрос, чей голос
задрожал от волнения. -
Конечно, я не стану это
делать! Ты останешься на
борту и будешь пороховой
обезьянкой. Даю слово!
Твои руки как лед! Где ты
был весь день?

- Внизу темно, и холодно, -
сказал малыш, дрожа. - Но
ты не отправишь меня
обратно, Джек? Я не могу... я
не могу вернуться.

"That you, Jack?" came in a soft whisper.

- Отправить тебя обратно? - прорычал матрос. - Только не я! Я слишком рад снова тебя видеть. Разве я не говорил тебе, что ты теперь один из людей короля и останешься тут? Честное слово, ты

такой холодный! Подымайся сюда, хо! Эк тебя достало! Прижмись ко мне. Человек короля! Да ведь ты немногим больше лягушки и такой же холодный. В моём гамаке тепло?

- Ох, как тепло, так тепло, Джек! - прозвучал шепот, когда две маленькие ручки обвили шею грубого парня.

- Это верно, малыш. Но ты голоден?

- Нет, не очень; только замерз и устал, Джек. Но я не против, ведь ты не отправишь меня домой. О, Джек, я чувствую себя так счастливо и спокойно!

- Это верно, но я говорю, малыш, это заставило тебя снова плакать. А это не кажется таким уж счастливым, да?

- Нет, всё оттого, что я очень, очень счастлив, Джек; но не говори со мной какое-то время.

- Хорошо, но в чем дело? Ты же не собираешься снова сбежать, а?

- Нет, но не говори, пожалуйста, - прошептал его маленький спутник. - Боюсь, что другие услышат.

Джек Джинс, грубый моряк, глубоко вздохнул, держась за куртку Филадельфии, чтобы убедиться, что тот не выпадет из гамака, и попытался сдвинуться на его край; а затем некоторое время не шевелился, пока огромное судно качалось, скрипело и стонало, и помимо этих звуков доносилось тяжелое дыхание людей, раскачивающихся в своих гамаках.

Но наконец будущая пороховая обезьянка тихонько прокрался на свое старое место и обвил руками грубую матросскую шею, и странный трепет удовлетворения пробежал прямо к сердцу Джека Джинса, когда тот почувствовал, как две маленькие губки прижались к его щеке, и услышал, как приятный, нежный голос шепчет:

- Спокойной ночи, Джек. Да благословит тебя Бог!

Прошло ещё немного минут, и когда свет от качающегося фонаря у трапа на посту часового морской пехоты стал настолько тусклым, что мужчина открыл полупрозрачную дверь, дабы задуть свечу внутри, Джек Джинс, чьи глаза в полумраке могли показаться слегка повлажневшими, пробормотал:

- Он сказал: «Спокойной ночи и да благословит тебя Бог, Джек!» Подумать только — он среди всех этих грубых парней, что спят здесь, в темноте, — встает на колени в моем гамаке, бедняжка, и произносит свои молитвы!

ГЛАВА V

При первом звуке свистка Фил выскочил из гамака, выглядя отдохнувшим и вполне довольным, и с готовностью ответил на вопрос Джека о том, хорошо ли он выспался.

Затем последовали другие вопросы полусонных матросов о том, кто он такой и как сюда попал, — вопросы, которые начали беспокоить малыша, пока Джек Джинс не пришел ему на помощь.

- Кто он? - воскликнул большой грубоватый матрос. - Да он мой мальчик. Его поймали вместе со мной, и он станет пороховой обезьянкой.

- Не маловат ли он, а? - спросил один шутник. - Ну, мальчик, ты сможешь залезть и протереть орудия изнутри, только будь осторожен и не застревай в запальных отверстиях.

Но вскоре все мужчины стали его друзьями, а Джек чуть ли не стал их врагом, поскольку возникла странная зависть, когда команда попыталась переманить малыша от его компаньона. Но враждебность вскоре угасла, поскольку, хотя Фил улыбался и лучезарно смотрел на всех, Джек Джинс являлся самой большой его симпатией, и он был счастлив как никогда, находясь рядом с этим большим и грубым парнем.

Новизна того, что такой маленький парень стал членом экипажа, вскоре угасла, и спустя несколько дней он настолько освоился, что солдаты стали относиться к нему как к своему, а офицеры вскоре воспринимали его присутствие как нечто само собой разумеющееся, и кивали или улыбались активному малышу, ставшему любимцем всего корабля.

- Э, да ты совсем сбил с толку полосатого кота Тома, - произнёс однажды Джек с усмешкой. - Он тебя уже поцарапал?

- Нет, конечно же, нет, - воскликнул Фил. - Он ходит за мной, куда бы я ни пошел.

- Хм! - проворчал Джек. - Кажется, ты всем и всему нравишься, старина.

Фил ничего не сказал, но задумался, слишком хорошо понимая, что его друг Джек не совсем прав. На борту корабля находились еще несколько мальчишек, которые, видя благосклонность, оказываемую маленькому новичку, вскоре попытались обременить его юную жизнь. Все они были намного крупнее и сильнее его, и вскоре, когда им представилась такая возможность, они принимались преследовать его, и одним из их любимых занятий было, как они это называли, «загнать», охотясь за ним по всему кораблю.

Однажды утром, вскоре после рассвета, Фил пробрался на палубу и стал смотреть через фальшборт на медленно и разрозненно плывущие в нежно-сером свете корабли, как вдруг его слух уловил слабый свист, и, резко обернувшись, он увидел одного из своих преследователей, который крадучись, осторожно приближался к нему, за ними следовали еще с полдюжины, в то время как ещё пара пересекла палубу и была готова отрезать ему путь, если он попытается отступить в том направлении.

Фил глянул в сторону люка на баке, но из квадратного отверстия поднялся мальчик, и он повернулся, чтобы посмотреть на корму, но только для того, чтобы увидеть, что и там его ждут мальчишки. Ибо враг предпринял шаги, чтобы отрезать его во всех направлениях, и маленький человечек принялся дико оглядываться, отыскивая путь к бегству, а затем бросился бежать, стремясь прорваться сквозь ряды своих мучителей, которые сразу же преградили ему дорогу и с криком восторга набросились на него.

Все было сделано очень быстро; сначала один, а затем и другой почти настигли его, но проворный, как обезьянка, не имеющая отношения к пороку, Фил уклонился, делая ложные выпады, и снова уклонился, проскакивая мимо передовых преследователей, направляясь к правому фальшборту, и достиг вант фок-мачты прежде, чем первый мальчик смог прийти в себя.

Последний, однако, хоть и бросился за ним, но было слишком поздно; ибо Фил прыжком вскочил, ухватился за ближайший канат, вскочил на леера, а затем начал карабкаться по снастям, всего лишь маленький паренёк, перебираясь с выбленки на выбленку [смолёный линь, толщиной в мизинец, которым переплетены поперёк ванты - вместо ступеней на парусных кораблях], поднимаясь все выше и выше к верхушке мачты.

Поражённые мальчишки издали тихий возглас восторга, и пока двое направились к вантам правого борта, чтобы последовать за ним, еще пара пошла к левому борту, или порту, как их теперь называют, а остальные собрались внизу.

- Оберните его фалами! - прошептал один мальчик с палубы, - а потом отправьте его к нам.

Фил услышал это и, затаив дыхание, полез дальше, глядя вверх и думая, что, если его враги последуют за ним, он сможет подняться еще выше.

Марсовая площадка была достигнута, но она не показалась убежищем, и Филу пришлось вскарабкаться ещё выше, потому что один мальчик, самый активный и смелый из группы, следовал за ним быстро и эффективно, да так, что к ужасу Фила, прямо перед тем, как он достиг вершины салинга, его преследователь подобрался настолько близко, что бросился к лодыжке своей жертвы и схватил её; в ужасе Фил сделал прыжок, который унёс его за пределы досягаемости врага, но оказался катастрофическим.

Ибо мальчик-преследователь вложил в свои действия столько энергии, что, когда лодыжка Фила выскользнула из его руки, он не смог ухватиться за выбленку внизу, развернулся и, не в силах снова ухватиться, начал падать с веревки на рею, затем снова на канат, после чего тяжело рухнул уже на самую рею, которая частично смягчила его падение, но через мгновение он тяжело рухнул на палубу, заставив своих товарищей разбежаться и затем рвануть к люку на баке, а те, кто поднялся на ванты, изо всех сил бросились вниз.

Что касается Фила, побледневшего от ужаса и уверовавшего, что именно он стал причиной несчастного случая, то он вцепился в ванты, дико глядя вниз в течение нескольких мгновений, после чего схватился за фалы и постепенно соскользнул на палубу, добравшись до упавшего мальчика, лежащего в одиночестве, и начал молча ощупывать его со всех сторон, и его рука коснулась ноги бесчувственного мальчика, от чего малыш издал вопль ужаса, который привлёк стоявших на вахте.

Филу стало дурно, пока он стоял и слушал, что было сказано; но он поборол это чувство и пошёл с матросами, когда они подняли бесчувственного мальчика с палубы и понесли его в кокпит, где хирург вскоре занялся подготовкой и перевязкой, кисло разговаривая из-за плохого настроения от того, что прервали его утренний сон.

Его слова состояли из ругательств и вопросов.

- Ах ты, щенок, - сказал он Филу, единственному мальчику, которому разрешили присутствовать. - Лазать по снастям перед завтраком! Чего можно было ожидать? Что ж, моя маленькая креветка, ты испытаешь удовлетворение, узнав, что сломал ногу своему спутнику и что тебе придется быть его сиделкой. Ты слышишь?

- Да, сэр, - ответил Фил. - Но он не умрет, правда?

- Нет, если я в этом что-то понимаю, мой мальчик. Ах, он сейчас придет в себя.

Раненый паренёк открыл глаза и огляделся вокруг, пытаясь понять, где он находится, и ухмыльнулся, увидев Фила.

- Я говорил, - прошептал он, - что поймаю тебя!

- Ты меня не поймал, - возмущённо возразил Фил.

- Ну, почти. А что у меня с ногой?

- Сломал, - сказал Фил шепотом.

- И всё? - холодно спросил мальчик. - Ну, тогда я не смогу ходить.

- Нет, - ответил Фил торопливым шепотом. - Ты будешь в госпитале, и он говорит, что я буду твоей сиделкой.

- Кто? Доктор?

- Да, сэр, - резко произнёс этот человек. - У тебя правая нога сломана чуть ниже колена, и можешь считать, что тебе крупно повезло, что это не шея.

Фил бросил на него негодующий взгляд, от которого доктор вытаращил глаза.

- Это будет предостережением вам обоим, чтобы вы больше не вытворяли подобные обезьяньи проделки, - кисло добавил он. - Вот, малыш, постой с ним, а я велю одному из матросов принести тебе сюда завтрак.

Этот несчастный случай и болезнь мальчика полностью изменили ситуацию. Его товарищам не разрешили прийти в так называемый лазарет, но каким-то образом вскоре они узнали, что Фила назначили сиделкой, и что он постоянно присматривает за мальчиком, делая все возможное, чтобы помочь больному. Возможно, они много услышали от Джека Джинса, которому удавалось раз в день выкрасть несколько минут для общения с Филом. То же самое делали и корабельные мальчишки всякий раз, когда Фил появлялся на палубе. Сначала он пытался сбежать их, но они поймали его и, к его удивлению, вместо того, чтобы побить, захотели пожать ему руку, и с тех пор стали лучшими его друзьями.

- Почему так? - спросил Фил у Джека Джинса, который засмеялся и сказал, что, по его мнению, всё это потому, что он очень хорошо ухаживает за раненым парнем.

Но Фил обнаружил, что у него есть и другая работа, помимо ухода за мальчиком со сломанной ногой, поскольку в определенное время, когда матросы работали с орудиями, его вызывали на палубу, и ему пришлось узнавать, что от него требовалось в связи с большой пушкой, к которой был приписан Джек Джинс, и Фил со своей расторопностью вскоре сделал то, что требовалось, а именно сбежал к складу и принес на палубу фланелевый мешок, который, казалось, был полон песка, и готов для того, чтобы команда пушки втолкнула его в дуло и утрамбовала длинным стержнем до того, как из стойки поблизости будет извлечен большой выстрел, который, в свою очередь, утрамбуют в дуле пушки, а затем произведут выстрел.

Для Фила всё это было в новинку, и он не видел в этом ни вреда, ни опасности. Ему ничего не оставалось, как спуститься вниз за этим фланелевым мешком, и он совершенно не осознавал того факта, что, если мешочек приблизить к огню, то его самого разнесет на куски, и в то время у него не могло быть более опасной задачи, чем задача пороховой обезьянки, приносившей пороховые заряды из оружейного погреба — попади туда искра, и корабль разлетелся бы на атомы и затонул.

Фил не боялся, потому что не видел опасности, он смеялся, и ему понравилось бегать взад и вперед от порохового погреба до главной палубы, потому что большие грубоватые люди постоянно шутили и говорили ему приятные вещи. Он не боялся и в тот день, когда Джек Джинс выглядел очень серьезно и протёр ему лицо губкой из ведра с водой.

- Да ты черный, как метелка от пороха, - произнёс Джек. - Я говорю, тебе не было страшно, когда грохотали пушки?

- Нет, - ответил Фил. - Мне только хотелось заткнуть уши пальцами. Эта пушка и в самом деле уж очень шумит.

Как раз в этот момент невысокий серьезного вида офицер в форме, с одним глазом и одной рукой, резко остановился, снял свою треуголку и, снова надев ее, тронул подзорной трубой плечо Фила.

"You're the little fellow they call Phil, aren't you?"

истории?

- Да ты тот маленький парень, которого зовут Фил, так? - спросил он.

Фил кивнул.

- Ты маленькая пороховая обезьянка, так мне сказали.

- Да, - ответил Фил, с удивлением уставившись на маленького человечка.

- И ты храбро ухаживал за мальчиком, который сломал ногу, да?

- О, это не храбро, - сказал Фил, смеясь и показывая свои белые зубы. - Иногда у него очень сильно болит нога, и тогда он любит, чтобы я читал ему и рассказывал истории.

- О, - произнёс офицер. - И тогда ты читаешь ему и рассказываешь

- Да, - сказал Фил, - но я и вполнину не читаю так хорошо, как хотелось бы; но я очень стараюсь.

- Конечно, - сказал маленький офицер. - Ты из тех мальчиков, которые могут. И ты умеешь рассказывать истории?

- Да, три... я имею в виду, четыре; и Тому Доддсу нравится слушать их снова и снова.

- Bravo! - произнёс сказал маленький офицер, похлопывая Фила по плечу подзорной трубой. - Вот, будь хорошим мальчиком, и однажды ты добьешься успеха и станешь кем-то получше, чем пороховая обезьяна.

- Кто это? - спросил Фил, когда маленький человечек отошёл и поднялся по лестнице. - Он мне понравился, Джек, почти так же, как и ты.

- Так и должно быть, - грубо сказал Джек, - ведь это наш адмирал, лорд Нельсон, величайший человек в мире.

ГЛАВА VII

Вскоре после этого Фил уже был между палубами и разговаривал со своим новым другом, пострадавшим мальчиком, чье лицо всегда расплывалось в улыбке удовлетворения от появления его сиделки.

- Вот, я хотел тебя, - воскликнул он. - У меня есть кое-какие новости. Доктор сказал мне...

- Он сказал, что ты, возможно, скоро попробуешь ходить? - с нетерпением воскликнул Фил.

- Нет; он сказал, что с ногой у меня всё в порядке, но мне пока не следует пытаться ею пользоваться. Он сказал мне, что нам предстоит большая битва с французами. Разве это не волнует? Потому что я не смогу подойти к своей пушке.

- Джек Джинс сказал, что, по его мнению, нам не следует сражаться, - ответил Фил.

- Он ничего в этом не понимает, - нетерпеливо возразил хромой мальчик. - Но я говорю, что мне придется остаться внизу; ты мог бы пойти и остаться со мной.

- Джек сказал, что мне следует отправить вниз, если произойдет драка, я так и сделаю.

- Верно, - сказал мальчик со вздохом облегчения. - Я не хотел, чтобы ты это видел, и поэтому я останусь внизу.

Фил уставился на него несколько озадаченно, поскольку не знал, разочарован он или доволен, хочет ли он увидеть битву или предпочитает спуститься вниз.

Но ему не пришлось выбирать, и спустя несколько дней о нём совершенно забыли в суматохе, вызванном великим происшествием. Поскольку он был обучен определенным обязанностям, связанным с одним из орудий корабля, и когда был отдан приказ экипажам занять свои места, он, естественно, побежал к своей пушке, совершенно не зная о том, что британский флот находится у мыса Трафальгар перед французами, в то время как британские моряки, обезумевшие от волнения, с нетерпением ожидают приказа, который должен был заставить сотни орудий реветь, как гром, обрушивая залпы в борта врага.

Всё то небольшое, что понял маленький Фил - это то, что его уши оглушил рев, в горле першило и было трудно дышать из-за густых облаков дыма, затмившего небо, и что он едва мог видеть Джека Джинса, который, как и остальная часть команды, раздетый до пояса, помогал заряжать их пушку, которая становилось все горячее и горячее, подпрыгивая на палубе при каждом выстреле.

Он едва что-то различал из-за серного тумана перед глазами, но рядом находился Джек Джинс, постоянно с тревогой наблюдавший за ним и готовый время от времени подать ему знак — знак, означавший «Еще пороха», и заставлявший его бежать к люку и вниз к пороховому погребу, откуда он вскоре возвращался, не обращая внимания на то, что он мог остановиться возле горящего трута или деревяшки, и фланелевый мешок, который он нес, мог взорваться у него в руках.

Стоял дикий шум и суматоха, посреди которых Фил, закоптевший от дыма и пороха, среди которых двигался, не обращая внимания ни на что, кроме своего друга, который делил свое время между работой с пушкой, к которой был прикреплен, и наблюдением за своим маленьким протеже, дрожа за его безопасность, когда тот подходил к люку в палубе, в который ему нужно было спуститься, и только тогда вздыхая свободно, когда видел, что мальчик, задыхаясь, возвращается с зарядом. Как и остальная часть команды, Джек Джинс ничего не знал о том, как проходит бой. У него был свой долг, и он выполнил его, пока внезапно, повернув голову в сторону, чтобы бросить приветственный взгляд на Филадельфию сквозь мрак, он не ощутил чудовищный шок от тошнотворного удара.

Затем на какое-то время всё опустело, пока тьма, окружавшая его, немного не рассеялась, и он не обнаружил себя лежащим на палубе, а Фил с испуганным видом стоял над ним на коленях, и подносил к его губам жестянку с водой.

Бедный Джек не смог слышать из-за грохота пушек, что сказал Фил, но смог прочесть по губам малыша, что тот заставляет его пить, и с болью в сердце, страдая от ужасной раны, сразившей его, он протянул руку к жестянке, но только увидел, как она упала на палубу: осколок выбил ее из руки мальчика.

Дикие глаза Джека, казалось, говорили: «Ты ранен?» Но он также не издал ни звука, потому что в этот момент небольшая группа, собравшаяся на палубе, расступилась, и он, и Фил увидели фигуру своего великого полководца, которого несли по последнему его пути к тому месту, где он испустит последний вздох. Его глаза были открыты, и он дико озирался по сторонам, как будто в поисках чего-то, что могло бы помочь ему в ходе великой битвы, когда его взгляд внезапно остановился на лице малыша Фила, стоявшего на коленях над своим раненым и истекающим кровью другом.

Phil knelt beside him holding a tin of water to his lips.

Лицо Нельсона изменилось; дико встревоженный взгляд угас, и когда его глаз встретился с глазами мальчика, он грустно улыбнулся, и Фил быстро поднялся на ноги, охваченный детским чувством жалости к умирающему герою.

Это случилось почти мгновенно. Затем небольшая группа снова сомкнулась и прошла по палубе, в то время как ужас и смятение снова усилились, и Фил обнаружил, что следует за Джеком Джинсом, которого несли вниз, туда, где хирург и его помощники были заняты своей ужасной работой, и всё, что ещё увидел пороховая обезьянка во время Трафальгарской битвы - это тусклый фонарь, раскачивающийся возле гамака, в котором лежал бедный Джек Джинс, тяжело раненный, но сохранивший достаточно сил, чтобы улыбнуться своей сиделке, наблюдавшей за ним.

На следующее утро, после похожего на оцепенение сна, Джек открыл глаза, которые слегка оживились, когда он увидел, кто по-прежнему сидит рядом с ним.

- Тебе лучше, Джек? - с тревогой прошептал Фил.

- Намного, мальчик, - последовал ответ. - Только я вот что хочу знать. Скажи мне, кто победил? Нет, не надо, если это французы.

- Нет, это были не они, - последовал быстрый ответ. - Мы победили, и все говорят, что это великая, великая, да, победа, вот так.

- Ура! - слабый шепот сорвался с губ Джека Джинса, и благодарная улыбка осветила его лицо на несколько мгновений.

Но лишь на несколько мгновений, ибо тенью пришло воспоминание о чем-то, что он видел до того, как потерял сознание от потери крови.

Некоторое время он лежал, глядя на Фила, словно боясь заговорить. Затем, собрав все свое мужество, он прошептал:

- Фил, мальчик, когда меня подстрелили, а ты давал мне воду, мне что-нибудь приснилось?

Фил посмотрел ему в глаза, но ничего не сказал, потому что благодаря свежим воспоминаниям он понял, что имел в виду его бедный товарищ по кораблю.

И так они провели несколько мгновений, глядя друг другу в глаза, пока Джек медленно не закрыл их и не издал тихий стон.

- Я надеялся, что это был сон, - произнёс он, - и всё это выдумка. Но скажи мне сейчас, Фил, мальчик; это правда? [Франко-испанский флот потерял 22 судна, британцы же не потеряли ни одного корабля. Во время битвы адмирал Нельсон был смертельно ранен и умер незадолго до окончания битвы, а флагманский корабль — *HMS Victory* — был практически выведен из строя]

- Да, - тихо сказал малыш, и в его свежем юном голосе послышались сдавленные нотки, когда он прошептал на ухо раненому матросу: «Да; лорд Нельсон умер».

Примерно через две недели после того, как «Виктория» вернулась в порт, дама в глубоком трауре приплыла на лодке с берега и спросила капитана, но в его отсутствие ей пришлось вместо этого встретиться с первым лейтенантом.

Этот офицер поначалу слушал ее довольно нетерпеливо; но через минуту или две он начал проявлять большой интерес к ее заявлению.

- О да, - произнёс он наконец;

- У нас на борту есть такой мальчик. Он попал с одним из мужчин, которого рекрутировали; но это было как раз в то время, когда всеобщее внимание было приковано к нашему плаванью. Ходили слухи о том, что малыш остался сиротой, и с ним так плохо обращались, что он сбежал. Так ли это, мэм?

- К сожалению, в этом есть немалая доля правды, потому что, хотя мой брат и действовал из лучших побуждений, он был настолько суров и резок, что бедняжка испугался и совершил этот очень глупый шаг. Прошло достаточно много времени, прежде чем я смогла его выследить и найти женщину, содержавшую гостиницу, из которой его забрали.

- И теперь, мэм, - произнёс первый лейтенант, - я полагаю, ваш визит означает, что вы пришли забрать мальчика?

- О да, - с нетерпением воскликнула дама. - Он мой маленький племянник, ребенок моего дорогого умершего брата.

- Именно; но он вполне счастлив и прижился с нашими людьми, и я не думаю, что мы имеем право отказаться от него.

- Вы же не имеете в виду, - возмутилась дама, - что вы оставите его здесь, чтобы он стал простым матросом?

- Прошу прощения, мэм, - сухо отрезал офицер, — но я не знал, что в матросах есть что-то простое.

- О, я не это имела в виду, - сказала дама, краснея.

- И более того, я уверен, что наш капитан не позволил бы нашей маленькой пороховой обезьянке...

- Пороховая обезьянка! - в ужасе воскликнула дама.

- Всего лишь шуточный матросский термин, сударыня, - сказал лейтенант. - Я говорю, что наш капитан не откажется от нашего храброго малыша, чтобы тот вернулся к жизни, полной жестокого обращения.

- Он больше не станет подвергаться жестокому обращению, - воскликнула дама со слезами на глазах. - Я люблю сына моего умершего брата. Он будет со мной, как прямо пожелал его отец в своем завещании. Другой мой брат не захотел иметь с ним ничего общего. Молю, молю, позвольте мне увидеть малыша, и я смогу доказать вам, что он будет счастлив.

- О, он не пленник, мэм, - сказал лейтенант. - Вы пройдёте со мной? Вы найдете его исполняющим служебные обязанности в том, что мы называем лазаретом, где находятся несколько наших раненых.

Дама тихо всхлинула и, выглядя ещё более встревоженной, позволила отвести себя туда, где бедный Джек Джинс, выглядевший очень бледным и худым, лежал на спине у открытого иллюминатора, слушая, что Фил читает ему из книги.

Незаметная поначалу гостья остановилась, с удивлением глядя на своего маленького племянника, аккуратно одетого в морскую форму, склонившегося над книгой, которую он держал, очевидно, наслаждаясь своей задачей.

- Фил! - прошептала дама; но мальчик не поднял глаз, а только продолжал читать.

Но Джек Джинс услышал, вскочил с места, догадавшись о цели визита, и протянул руку, чтобы схватить мальчика.

- Я не устал, Джек, - воскликнул Фил. - Я могу продолжать читать для... - О, тетушка! - радостно воскликнул он и, вскочив и выронив книгу, бросился в объятия дамы и принялся страстно целовать ее снова и снова.

- Фил, мой дорогой! - зарыдала она. - Неужели я нашла тебя?

- Да, дорогая тетя, - воскликнул малыш, - но...

Он вырвался из ее объятий и метнулся за спину Джека Джинса, дико озираясь по сторонам

- Дядя здесь? - прошептал он хрипло.

- Нет, мой мальчик; он уехал, и ты больше его не увидишь.

- Ах, - воскликнул Фил; - И ты пришла забрать меня домой?

- Да, мой дорогой, - воскликнула гостя, и когда мальчик снова бросился в её объятия, она крепко прижала его к своей груди и гордо повернулась к лейтенанту.

- Итак, сэр, - воскликнула она, - как вы думаете, с ним будут плохо обращаться?

- Я удовлетворен, мэм, - произнёс офицер, улыбаясь. - Значит, мы потеряем нашу маленькую пороховую обезьянку? Значит, вы уходите, сэр?

- Да, - с нетерпением воскликнул мальчик. - Вместе с тетушкой.

- Нет, - воскликнул он взволнованно, - нет! Я не могу уйти и оставить бедного Джека. Тетушка, дорогая, ох, он был так добр ко мне, ты не знаешь, как. Нет, я не могу уйти сейчас. Кроме того, мне не позволят уйти. Я моряк, служу королю. Но я буду иногда приезжать к тебе.

- О, Фил, дорогой мой! - зарыдала его тетя.

- Ты не знаешь, что он сделал для меня. Нет, Джек, я не уйду, пока ты такой слабый и больной.

- Слабый и больной, раненый? - нетерпеливо воскликнула тетушка Филадельфия, обращаясь к лейтенанту.

- Да, мэм; один из наших храбрых моряков, тяжело раненый при Трафальгаре.

- Но не должен ли он быть на берегу, где его можно должным образом выхаживать? - воскликнула тетя Филадельфия.

- Я сижу с ним, - гордо произнёс Фил, - и кормлю его тоже. Он не может пользоваться руками, тетушка.

- Тогда почему бы не привезти его домой, Фил, дорогой, где его можно будет хорошо вылечить, а потом...

Так всё и было решено: через час Джека Джинса осторожно погрузили в гичку, чтобы затем перевезти на берег, а Фил, после того как его тетушка заняла своё место, спустился по одному из фалов, чтобы присоединиться к ним, и почти вся команда корабля собралась на палубе, подбадривая пороховую обезьянку, пока шлюпка не скрылась из виду.

Прошли годы, прежде чем Фил снова ступил на борт королевского корабля, и тогда он был в форме гардемарина — гардемарина одного из самых лучших фрегатов Военно-Морского Флота.

- Да, мастер Фил, сэр, это самый лучший фрегат во флоте, и я рад приветствовать вас на борту, как и весь его экипаж. Я боцман, сэр, и я рассказал всем ребятам, как мы с вами служили королю под командованием адмирала лорда Нельсона при Траффл-гаре.